

ОТ ОКЕАНА ЭНЕРГОПАРТНЕРСТВА – К МОРЮ РАЗДОРОВ

ПАВЕЛ БОГОМОЛОВ

Кандидат политических наук

Трудно найти обширный регион со столь же сильно изменившимися за 50 лет векторами глобальной торговли, как Тихий океан. После Второй мировой войны западная часть этого региона (от Японии до Индонезии) стала получателем готовой продукции из Северной Америки. Сегодня, наоборот, экономики Азии, так называемые тихоокеанские «тигры», шлют тысячи контейнеровозов с ультрасовременными промышленными изделиями в порты по всему миру. Это не только логистический, но и философский разворот эпохального значения. А навстречу потокам товаров из Азии вышли целые флотилии газозовозов с СПГ-терминалов США, нефтяных танкеров из Канады, углевозов из Австралии...

Смена традиционного курса

К сожалению, энергетический экспорт в Азию сегодня вновь наполнился рецидивами «холодной войны». Как и европейцам, жителям азиатского региона твердят, что есть энергоносители «либеральные» и потому безопасные, а есть «тоталитарные». Мол, у одного типа природного газа молекулы «демократические», а у другого – нет. Ну а нефть от

иранского «режима мулл» или от «сибирских магнатов» ядовитее, чем из других природных кладовых.

В общем, регион АТР стал сегодня ареной конфронтации, тарифных и торговых войн. А то и потенциальным театром боевых действий, особенно вокруг искусственно-насыпных атоллов в Южно-Китайском море. Что предвещает это Америке, Китаю и России, а также их топливно-энергетическим комплексам?

В 2017 году тогдашний президент США Дональд Трамп развязал конфликт невиданного накала с КНР, добившись обвала китайского промышленного экспорта. Последовал встречный спад закупок американского СПГ. Пандемия все это усугубила. Может ли ситуация исправиться?

Теоретически да, может. Но Китай извлек уроки из этой ситуации. Сегодня власти страны, стараясь снизить объемы масштабно-промышленного экспорта, делают ставку на снижение выбросов углерода в русле выполнения Парижского соглашения. Взят курс на развитие менее энергоемких отраслей, прежде всего сферы услуг.

Уже сегодня, как отмечает аналитик Эдвард Чоу, «страна является главным производителем оборудования по выработке возобновляемой энергии ветра и солнца». КНР, кроме того, – ведущий изготовитель электромобилей. В стране также активно развивается атомная энергетика. «Частью пекинской стратегии инноваций стали вложения в исследовательские работы и развитие широкого спектра энерготехнологий – от «чистого угля», улавливания и хранения CO₂, создания аккумуляторов и иных мощностей по хранению энергии, до «супер-энергосетей» для передачи электроэнергии, выпуска продвинутых материалов, совершенствования искусственного интеллекта и компьютерно-аппликационных схем», – подчеркивает Э. Чоу.

По данным Reuters, компания PetroChina Fuel Oil получила от властей Китая указание прекратить поставки импортной нефти на ряд устаревших частных НПЗ на северо-востоке страны, производивших горючее сомнительного качества. Сказанное может привести к сокращению совокупного импорта «черного золота» в КНР на 3%. И это лишь один пример того, что Пекину и впрямь небезразлична экологическая тема.

Однако не стоит ожидать ускоренного сокращения потребления углеводородов в этой второй по объему ВВП экономике планеты. Наоборот, власти КНР планируют масштабное развитие транспортной системы страны, особенно воздушного и морского сообщения. И обеспечить его за счет только электротранспорта вряд ли получится. А значит, должно существенно возрасти потребление традиционных нефтепродуктов.

Еще один фактор роста потребления нефти и газа – отказ экономики КНР от угля. В 2019 году его доля в национальном энергобалансе достигла 58%, в то время как доля нефти составляет около 20%, газа и гидроэнергетики – по 8%, ВИЭ – 5%, атомной энергии – 2%.

И тут возникает логичный вопрос: способна ли сверхдержава с 1,4-миллиардным населением обеспечить себя нефтью, с учетом своих скромных геологических запасов? Нет, не способна, из чего следует целый ряд далеко идущих выводов.

Импорт – не прихоть, а императив

Месторождения нефти на северо-востоке КНР истощаются, что до недавнего времени приводило к сокращению добычи в стране. Но в 2019 году эту тенденцию наконец-то удалось переломить за счет широкого применения методов повышения нефтеотдачи. В результате добыча «черного золота» в стране достигла 4,9 млн барр/сут. Однако стоило это

недешево. В 2018 году инвестиции в китайский сектор upstream выросли на 30%, в 2019-м – еще на 23%. Впрочем, пандемия 2020-го и обвал нефтяных котировок развеяли надежды на достижение рентабельности этого сегмента. И даже авральное предоставление зарубежным инвесторам прав на покупку мажоритарных долей в китайских нефтегазовых проектах не улучшило ситуацию кардинально. В этих условиях неизбежно дальнейшее увеличение импорта углеводородного сырья в КНР. И бороться с засильем угля можно лишь за счет устойчивого роста потребления нефти и газа. Все остальное пока – фантастика.

Сегодня около 44% импорта нефти в КНР обеспечивают государства Ближнего Востока (в том числе 16% Саудовская Аравия), 18% – страны Африки, еще 15% – Латинская Америка. Сворачивать эти потоки (пусть даже постепенно) Китай не может по объективным причинам. Помимо потребности КНР в энергетическом сырье, свою роль играет и то обстоятельство, что Поднебесная направляет инвестиции и поставляет товары в страны-нефтеэкспортеры, тем самым обеспечивая свое глобальное лидерство. Так, в одну только Африку КНР инвестировала за последние десятилетия \$300 млрд! Каким же образом Китай сможет возместить себе эти вложения, если не за счет поставок нефти и СПГ?

Климатический нейтралитет откладывается

Большинство индустриально развитых государств планеты обяжутся прекратить выработку электроэнергии на базе ископаемого топлива к 2035 году, а достичь полной климатической нейтральности – в период между 2040-м до 2050 годами. Но Пекину это не подходит.

Ведь такой чрезмерно форсированный энергопереход обернулся бы развалом самих первооснов китайской экономики. Более того, это привело бы к ослаблению международных позиций КНР. А опыт, накопленный Китаем за последние десятилетия, заставляет избегать столь резких и необдуманных шагов. Поэтому закономерно, что Китай взял на себя достаточно осторожные обязательства: обнулить выбросы CO₂ и метана от собственных и импортируемых энергоносителей до 2060 года.

В США явно недовольны таким решением Пекина. Ведь в Вашингтоне понимают, что такая отсрочка даст китайским производителям преимущество в глобальной конкуренции и в итоге позволит Поднебесной стать самой могущественной экономикой, потеснив с пьедестала Соединенные Штаты.

Если же заставить КНР ускоренными темпами добиваться «углеродной нейтральности», то страна может увязнуть в хаосе поспешных эко-перемен и не достичь своей заветной цели – безусловного лидерства в Азии. И ведь именно срыв этой китайской амбиции как раз и требуется Вашингтону

Помимо подталкивания КНР к ускоренному энергопереходу, есть и еще один способ давления на Пекин – попытки поставить под контроль США «нефтегазовые трассы» в АТР и Средней Азии. Это позволило бы загнать Поднебесную в угол, привести ее к топливному дефициту и в итоге сделать снова послушной Западу, как во времена императорских династий.

Эта задача не нова. Она просматривается за всеми столкновениями, возникавшими между США и КНР за последние десятилетия. Так, в 1940-1950-х годах конфликтным узлом для двух стран стала кровопролитная война в Корее. К рубежу 1950-х и 1960-х яблоком раздора стал Тайвань. В 1970-х и 1980-х годах на передний план претензий Вашингтона вышла «поруванная коммунистами священная колыбель буддизма» – Тибет. С 1997 года, когда Британия была вынуждена вернуть под юрисдикцию КНР город-порт Гонконг с его прибыльными финансово-биржевыми центрами, Америка взялась опекать и подпитывать подрывную гонконгскую оппозицию. В начале XXI столетия Белый дом взял под защиту «несчастных мусульман-кочевников» в Синцзян-Уйгурском автономном районе на западе Китая.

США пытаются превратить Тайвань в «витрину инвестиционного успеха». Его основой должен стать ускоренный энергопереход, – в пику Пекину, затягивающему реализацию Парижских соглашений

И вот сейчас, на старте третьего десятилетия XXI века, американцы поставили на первое место военную опеку Тайваня. То есть фактически все вернулось «на круги своя». В Тайванском проливе снова кишат пентагоновские ВМС и барражируют самолеты нового поколения под аккомпанемент протестов Пекина. Почему же Вашингтон снова вернулся к этой уже сыгравшей «тайваньской карте»?

Американские эксперты полагают, что лидер КНР Си Цзиньпин решил ознаменовать грядущий финал своего правления важнейшим свершением – официальным и окончательным объединением материкового Китая с Тайванем. Что, конечно, будоражит американский внешнеполитический истеблишмент. Ведь любые территориальные воссоединения, в какой бы части света они ни затевались недругами Америки, подобны для нее анафеме.

Витрина энергоперехода

Чтобы предотвратить реализацию такого сценария, США пытаются превратить Тайвань в «витрину инвестиционного успеха». Его основой должен стать ускоренный энергопереход, – в пику Пекину, затягивающему реализацию Парижских соглашений.

«На сегодняшний день президент США Джо Байден не склонен проявлять благосклонность к новым американским предприятиям в сфере ископаемого топлива, – пишет замдиректора Института энергетических исследований Джеффри Макгилис на страницах National Review. – Вместо этого Белый дом склоняется к успокоению «климатического крыла» демократической партии за счет закрытия таких проектов, как строительство нефтепровода Keystone XL, а также прекращения аренды участков недр с целью проведения геологоразведки на шельфе Аляски. Но в случае с экспортом природного газа на Тайвань администрация США получит возможность как бы поспекулировать на сокращении потенци-

альных выбросов CO₂ [от преобладающих там менее экологических видов топлива, – прим. авт.]».

Согласно данным Международного энергетического агентства, остров получает 46% электроэнергии благодаря сжиганию угля. Вопреки постановке цели – обнулить эмиссию CO₂ к 2050 году – Тайвань в 2015-2019 годах использовал больше угля, чем на любом другом пятилетнем этапе своей истории. В 2018 году был установлен рекорд угольной генерации – 131 тераватт-час электроэнергии. Как результат, нынче выбросы углерода у Тайваня – не на спаде, а на подъеме! В пересчете на душу населения он обгоняет, например, Японию (тоже лишенную своих собственных углеводородных ресурсов) на целых 24%.

По данным МЭА, в 2016 году объем вредных выбросов на Тайване впервые превысил 250 млн тонн! Иными словами, как среднедушевые, так и совокупные выбросы сегодня почти вдвое выше, чем в 1990 году (именно от уровня этого года идет отсчет показателей в рамках Парижского соглашения). И вот такую архаичную энергетику США обещают превратить вскоре в «конфетку»! Сделать это намечено за счет поставок по льготным ценам американского СПГ, установки солнечных батарей и строительства ветряных парков.

«Демократичный» газ США

Что ж, газ, призванный стать приоритетом, – это не новое топливо для Тайваня. Более того, с 2006 года оно обогнало по доле в энергобалансе атомную энергетику. Сегодня на газ приходится треть «топливной корзины» острова, а к 2025 году, как обещают и американцы, данный показатель достигнет 50%.

Впрочем, газификация Тайваня – это не столько экономическая, сколько военно-стратегическая задача. Тем самым странам Азии дают понять: только США могут выступать гарантом надежного энергоснабжения того или иного государства. А, мол, энергобезопасность материкового Китая находится под угрозой по двум причинам. Во-первых, из-за дестабилизации в ситуации в Персидском заливе (американцам не хочется снимать нефтяное эмбарго с Ирана). Во-вторых, из-за угрозы морской блокады берегов самой же КНР.

Тайвань, вынужденный импортировать 99% потребляемого газа, намечает запустить в эксплуатацию в 2023 году третий, мощнейший терминал для приемки СПГ. Катар, поставляющий 30% от ввозимых в Тайвань объемов СПГ (а это 18 млн тонн ежегодно), остается пока основным источником импорта. Но это, видимо, не очень устраивает Вашингтон. А тот факт, что Катар выступил в качестве генерального партнера недавнего 24-го Петербургского международного экономического форума (за что Владимир Путин выразил эмиру особую благодарность в телефонном разговоре 25 июня с.г.), подстегнул недовольство команды Джо Байдена поведением этой «непокорной и строптивой» монархии. Не радует США и то обстоятельство, что около 14% СПГ поступает на Тайвань из России. Ведь сами Соединенные Штаты, хотя и увеличили с 2016 года поставки своего СПГ вдвое (с 0,5 млн до более чем 1 млн тонн в год), все еще занимают на тайванском рынке куда менее значительную долю – где-то около 6%. И их цель – значительно нарастить данный показатель.

Но станет ли американский газ панацеей для Тайваня? По мнению экспертов Carnegie Endowment for International, если политическая ситуация на Ближнем Востоке ухудшится, то это точно затронет СПГ-партнеров Тайваня в Персидском заливе. Напряженность, иными словами, может обогнать обещанную «динамику улучшений».

А как отмечает уже упоминавшийся Джеффри Макгиллис из Института энергетических исследований, на фоне укрепления сотрудничества между Тайбэем и Вашингтоном растет политическая напряженность между островом и континентальным Китаем.

«Риторика, доносящаяся из Пекина, стала при власти Си Цзиньпина более пронзительной. Поэтому Тайвань стремился еще больше укрепить свои связи с США, доведя дело до организации – в 2020 году – визитов высокопоставленных эмиссаров вашингтонской администрации», – пишет Макгиллис. А летом 2021 года, опасаясь позитивного исхода нового раунда переговоров между Кремлем и Пекином (после саммитов на Корнуолле, в Брюсселе и Женеве) Белый дом взвинтил ставки. Он, с одной стороны, вроде бы декларирует стремление к «оздоровлению» диалога с КНР, а с другой стороны, продолжает двойную игру с Тайванем.

Между тем, сама жизнь побуждает Китай активизировать энергетическое сотрудничество с естественным, близким, щедро наделенным ресурсами и во всех отношениях добропорядочным партнером – Россией.

Бросок российского ТЭК на восток

Как это ни парадоксально, но интриги в сфере ТЭК, плетущиеся против России на мировой арене, приводят к... укреплению ее глобальных позиций. Так что напрасно российские энергоносители пытаются выдавить из Европы – вопреки здравому смыслу и интересам наших европейских партнеров. Строятся различные политические барьеры на пути осуществления новых газотранспортных проектов России – «Северного потока – 2» и «Турецкого потока». В результате растет присутствие РФ в энергетике Азиатско-Тихоокеанского региона.

Россия провозгласила восточный вектор своей энергетической политики, сделав ставку на разработку газовых кладоу Якутии и Иркутской области и поставку «голубого топлива» в КНР. Кроме того, начались поставки в АТР сжиженного природного газа с Ямала. Причем 20% в мегапроекте «Ямал СПГ» (общей стоимостью \$27 млрд) приобрела китайская CNPC. Вскоре производство СПГ начнется на базе ресурсов Гыдана и Таймыра, в рамках проекта «Арктик СПГ-2» (стоимость – \$21 млрд). Окончательное инвестиционное решение о покупке компаниями CNPC и SINOOC двух 10%-ных долей в этом проекте уже принято.

Ставка «Роснефти» на мега-проект «Восток-Ойл» и вообще поражает воображение. Ударное расширение пропускной способности БАМа в целях отгрузки угля через Находку и иные порты тоже нацелено на рынки АТР. Потребность в дополнительном прямом выходе углей Якутии к Тихому океану по новой стальной трассе (т.е. помимо Транссиба и БАМа) возросла настолько, что Владимир Путин, совещаясь с коллегами по данному вопросу, поручил привлечь к ускоренно-

му созданию такой рельсовой трассы, наряду со строительными организациями РЖД, еще и железнодорожные войска, а также, возможно, многочисленные контингенты рабочих-мигрантов из Средней Азии. Причем формирование таких коллективов уже началось. Ну и чего, спрашивается, добились оппоненты России, пытаясь выдавить ее из Европы?

С момента пуска системы ВСТО и до 2019 года Россия оставалась ведущим поставщиком нефти в КНР. Правда, затем она переместилась на второе место, но при этом наращивала поставки в Китай угля и СПГ. Тем временем, поставки нефти из США в Поднебесную, составлявшие в 2018 году 231 тыс. барр/сут., в 2019-м сократились на 48%. Это было обусловлено установлением властями КНР 5%-ного ввозного тарифа. Правда, после инаугурации Джо Байдена в январе 2021 года китайская сторона снизила этот тариф вдвое, до 2,5%. Был также введен ряд других послаблений с тем, чтобы выполнить свое встречное обязательство по прекращению торговой войны и закупить в текущем году «сверх плана» американское топливо на \$52 млрд.

Важной вехой стало начало импорта «голубого топлива» из РФ. В декабре 2019 года заработала, перейдя через пограничный Амур, «Сила Сибири»

Что же касается трубопроводного газа, то, при стабильном первенстве поставок из Туркменистана, важной вехой стало начало импорта «голубого топлива» из РФ. В декабре 2019 года заработала, перейдя через пограничный Амур, «Сила Сибири». По соглашению от 2014 года Китай будет получать в течение 30 лет в среднем по 1,3 трлн м^3 газа ежегодно. Планируется также строительство магистрали «Сила Сибири-2» из Западной Сибири в Китай через Монголию.

В 2021 году, если только нынешние перебои в строительстве не участвуют, должна заработать четвертая нитка трубопроводной системы «Центральная Азия – Китай». Благодаря этому объем транспортировки туркменского газа в КНР может быть доведен до 2,3 трлн м^3 в год. А поставки из Казахстана к 2023 году могут достичь 350 млрд м^3 в год.

«Развитие новых добывающих провинций России, таких как Восточная Сибирь и Арктический регион, зависит от открытия новых рынков, где спрос на нефть и газ все еще растет, – верно отмечалось в одном из аналитических докладов Carnegie. – Соответственно, диверсифицировать рынки экспорта, а также источники поставок, – в интересах как России, так и Китая. Коль скоро крупнейший экспортер и ведущий импортер нефти и газа имеют общую границу, совершенно естественно, что они призваны повернуться друг к другу. Нужда в диверсификации стала для Москвы более срочной в 2014-м, когда из-за конфликта на Украине были введены западные экономические санкции. В то же время возросшие на Западе тревоги по поводу возвышения Китая и его все более самостоятельного поведения заставили Пекин заново оценить слабые стороны своей зависимости от международного рынка поставок нефти и газа в КНР». Со столь здравым суждением не поспоришь. 📌